

Оглавление

1. От издательства.....	2
2. Муравьев до назначения в восточную Сибирь.....	6
3. Первые шаги в Иркутске.....	14
4. Сотрудничество с Невельским и «амурский вопрос».....	20
5. Успешное разрешение «амурского вопроса».....	38
6. Последние годы государственной деятельности.....	46

Штейн М. Н.Н. Муравьев-Амурский: Историко-биографический очерк. –
Хабаровск: ОГИЗ дальневосточное государственное издательство, 1946

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга о Н. Н. Муравьёве-Амурском - первая из серии книг, посвящённых прошлому Дальнего Востока.

Муравьёв был для своего времени талантливым государственным деятелем. «Либерал и татарин, — отзывался о нем Герцен — Но какая светлая голова, что одна стоит целого полка. Герцен говорил о кабинете министров.

Душа Н. Н. Муравьёва была проникнута, по собственному его выражению, «заботами о благе отечества». Но его деятельность не была в достаточной степени оценена современниками. В правящих сферах на Муравьёва смотрели, как на беспородного выскочку и опасного либерала. От народа этот николаевский генерал был тоже далёк. И тем не менее имя Н. Н. Муравьёва-Амурского увековечено в истории. Оно неотделимо от важнейшего исторического дела — присоединения Приамурья к России. Этому делу Муравьёв отдал всё — личное благополучие, возможность блестящей придворной карьеры, наконец, своё здоровье.

Вместе с капитаном Невельским Муравьёв довёл до конца «амурский вопрос», в результате чего обширный край, открытый русскими землепроходцами ещё в XVII столетии, стал окончательно русским.

Муравьёв был человеком своего времени, и авторы далеки от идеализации. Они не ставят знака равенства между деятельностью Муравьёва и исконными стремлениями русского народа. Однако при всём этом нельзя не видеть заслуг Муравьёва перед Родиной. С исключительной энергией и целеустремлённостью он боролся за интересы своей страны, какими они ему представлялись и как он тогда их понимал. Поэтому имя Муравьёва может быть поставлено в ряд с именами отважных землепроходцев, мореходов и учёных, которые

своими трудами проложили русскому народу путь на Амур и к берегам Тихого океана.

В середине XIX века завершилось присоединение к русскому государству всей территории Сибири — от Уральских гор до Тихого океана, включая нынешнее Приморье и Приамурье. Этот процесс растянулся почти на два столетия. Проникновение русского народа за Урал началось ещё в XIII веке. Уже тогда новгородская вольница владела Югорской землёй. С ослаблением же влияния Новгорода западные сибирские окраины перешли к Москве, и сибирские племена стали данниками московского великого князя. При Иване Грозном завоевание Сибири приняло более организованный характер, главным образом, благодаря деятельности купцов Строгановых. В 1581 году Строгановы отправили призванного ими донского казака Ермака Тимофеевича «воевать» Сибирь», а уже в следующем, 1582 году Грозный принял завоёванную им территорию «под свою высокую руку». К началу XVII века русские прошли всю Сибирь до Охотского моря. Казак Семён Дежнёв на своих кочах обогнул Чукотский полуостров и открыл пролив, который сто лет спустя после него вновь открыл Беринг. К первой же половине XVII века относятся и попытки присоединения Приамурья, сначала «письменным головой» Поярковым, затем Хабаровым. Но окончательно Приамурье отошло к России лишь после того, как в 1858 году был заключен Айгунский договор, которым определялись наши границы с Китаем.

Проникновение русских в Сибирь было, прежде всего, процессом завоевания со всеми присущими ему отрицательными сторонами, но в основе своей оно было явлением исторически необходимым, так как в значительной степени отражало устремление народа на «вольные земли». Естественные богатства страны лежали втуне. Приход русских внёс коренные изменения в быт и экономику страны. Русский человек по самой природе своего национального характера оказался способным понять жизнь других народов, и это

стало источником мощного культурного влияния русских на сибирскую жизнь. Врубаться в девственную тайгу, осваивать нетронутые земли — на это у русского народа хватило и силы и настойчивости. Вот почему процесс русской колонизации Сибири мы вправе рассматривать как одно из значительных явлений нашей истории. Можно сказать, что воинская доблесть и трудовой героизм — это две стороны одного и того же национального характера. При этом следует заметить, что в народной массе популярны героические традиции Сибири. Что бы ни говорилось о землепроходцах Пояркове, Хабарове, Дежнёве, Атласове и других менее значительных личностях, какими бы красками их ни рисовали, — народ всегда будет помнить о них и преклоняться перед их подвигами. Многие забылось, а песня о Ермаке живёт и будет жить. Народ чтит память не только землепроходцев, но и тех передовых людей, которые своими трудами способствовали возвеличению России на северо-востоке Азии. Русское сердце восторгается при воспоминании о Беринге и Невельском, Крашенинникове и Чирикове. И среди этих мореплавателей учёных мы не можем не отметить Николая Николаевича Муравьёва-Амурского — замечательного государственного деятеля своего века.

В исторической литературе последнего времени о Муравьёве-Амурском нет ничего. Казалось, было предано забвению всё, что он сделал. Но на Амуре жила и никогда не угасала память нём и о его сподвижниках... Ещё и поныне можно встретить на Дальнем Востоке людей, рассказывающих о «Миколае Миколаевиче» по преданиям, — так прочно он вошёл в сознание казаков и переселенцев, жизнь которых он устраивал в новом крае. В низовьях Амура вам укажут места, где Муравьёв, путешествуя по краю, останавливался и жил. Да и самые названия сёл, железнодорожных станций, посёлков живо напомнят вам о времени, когда Муравьёв и его ближайшие сотрудники выполняли здесь свой патриотический долг — так, как они его понимали тогда. Поэтому нам кажется

своевременным восстановить образ Муравьёва и рассказать читателю о его деятельности на Дальне Востоке.

МУРАВЬЁВ ДО НАЗНАЧЕНИЯ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ

Время Муравьёва — конец царствования Николая I — и годы, непосредственно примыкающие к крестьянской реформе. Именно к этому периоду относится наиболее плодотворное время его деятельности. Но как человек, Муравьёв, конечно сформировался раньше. Потомок старинной фамилии русских дворян, он был типичным представителем своего класса — унаследовал свойственные этому классу привычки, представления и предрассудки. Подобно своим аристократическим сверстникам, Муравьёв получил прекрасное образование. Начало его жизненного пути ничем особенным не отличалось.

Родился Муравьёв 11 августа 1809 года в Петербурге, но детство своё провёл в селе Покровском — на левом берегу Невы по Шлиссельбургскому тракту. Сюда, по выходе в отставку, попал его отец — флотский офицер Николай Назарович Муравьёв. Как отмечает биограф Муравьёва, родители Николая Николаевича — Николай Назарович и Екатерина Николаевна — стремились дать детям хорошее домашнее воспитание. Екатерина Николаевна была «достойная женщина, весьма образованная, с направлением религиозным»¹. Она рано умерла. После её смерти десятилетний Муравьёв был отдан в частный пансион. В пансионе Муравьёв готовился к поступлению в Петербургский университет. Однако учиться в университете ему не пришлось: Николай Назарович исхлопотал для своего сына право воспитываться в привилегированном Пажеском корпусе. Это закрытое учебное заведение, учреждённое в России ещё Екатериной II, давало детям дворянской аристократии соответствующее военное образование. Муравьёв успешно окончил Пажеский корпус в 1827 году и по выходе из него сразу же был зачислен в офицеры лейб-гвардии Финляндского полка. С этого момента началась военная карьера Муравьёва. Уже через год он в составе своего полка принял участие в войне. Это была война с Турцией,

¹ И.Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (материалы для биографии), том 1, стр.7. (в дальнейшем будем указывать только автора)

владевшей в то время всем западным побережьем Чёрного моря, включая территорию нынешней Болгарии. Прапорщику Муравьёву было тогда 18 лет.

3 апреля, 1828 года Финляндский полк выступил из Петербурга в поход. До реки Дунай шли почти три месяца. 27 июня полк переправился через Дунай близ крепости Исакчи. Началась боевая страда. В конце августа гвардейцы Финляндского полка осаждали турецкую крепость и порт Варна. 16 сентября Муравьёв впервые участвовал в бою на южных высотах этой крепости. Турки атаквали. Двадцатипяти тысячный корпус их отчаянно прорывался на помощь своему, осаждённому в Варне, гарнизону, русские войска одну за другой отбили все атаки турок. Сохранились документы, устанавливающие, что, несмотря на молодость, Муравьёв показал себя в этих боях зрелым воином и командиром. За доблесть его произвели в следующий офицерский чин — Муравьёв стал подпоручиком. 29 сентября 1828 года Варна пала. Русские войска вошли в крепость через проломы бастионов и главные ворота. 10 октября Финляндский полк выступил в обратный поход, Муравьёв же, по своему желанию, остался в Варне. 5 февраля 1829 года его прикомандировали к пятой Черноморской флотской бригаде. К этому времени относится свидетельство, выданное Муравьёву контрадмиралом Кумани. В свидетельстве говорится: «Лейб-гвардии Финляндского полка подпоручик Муравьёв участвовал под начальством моим, во время командования Черноморской эскадрой, в экспедиции против Бургасского залива февраля 15-го дня 1829 года и находился на корабле «Пимене» при бомбардировании города Сизополя, а 16-го числа того же месяца был в десанте при занятии нагорного редута и самого города. После того находился также на вверенной мне эскадре в экспедиций против города Ахиолло. Вёл себя благородно, поручаемые ему должности выполнял с усердием и ревностью».

Затем Муравьёв участвовал в осаде крепости Шумла и все время штурма её оказался в числе первых, бросившихся в ров и взшедших на вал. За храбрость его наградили орденом и произвели в чин поручика.

В августе 1829 года русские войска овладели Адрианополем - последним укрепленным городом на пути к турецкой столице Константинополю. Между воюющими сторонами начались переговоры, которые 7 сентября 1829 года завершились подписанием в Адрианополе мирного договора. Военные действия прекратились и Муравьев вернулся в Петербург, в свой полк. Через год он получил новую награду — орден Владимира четвертой степени бантом и золотую шпагу с надписью «За отвагу».

В турецком походе Муравьев заболел особой местной лихорадкой, которая продолжала мучить его и в Петербурге. Болезнь вынудила его подать в отставку. Ходатайство об этом было удовлетворено, и в 1833 году Муравьев, в чине штабс-капитана оставил военную службу. Следующие пять лет он провёл в имении отца, в Виленской губернии.

Но Муравьеву с его пылкой натурой не сиделось в деревне; мирные сельские занятия не удовлетворяли его. Поэтому в начале 1838 года он поехал на Кавказ.

Кавказская, или, как тогда называли, «Действующая», армия привлекала к себе наиболее активные натуры, которым было душно в центре страны, превращённой в одну огромную николаевскую казарму. Солдаты-декабристы, неблагонадёжные в политическом отношении, и просто люди, которым в условиях крепостнической России некуда было приложить бьющую через край энергию, составляли как бы костяк наших войск на Кавказе или по крайней мере, их лучшую, передовую часть. Командовал Кавказским корпусом генерал Головин. У Головина Муравьев, ещё будучи в Финляндском полку, состоял адъютантом. Несмотря на разницу в возрасте, их связывала тесная дружба, и старый генерал очень обрадовался, когда увидел перед собой Муравьева, приехавшего к нему для особых поручений в чине майора... Биограф, рисуя их взаимоотношения, отмечает, что «Муравьев был искренне предан Головину и служил ему пером и головою». В следующих

строках приводится характеристика Муравьёва: «Он был малого роста, с чертами лица довольно тонкими и подвижными, с глазами, в которых было много ума. На Головина он имел огромное влияние. Между товарищами он казался добрым малым, любил дружескую беседу за бутылкой вина; но проведши так всю ночь, он мог целый день работать пером, а работал он быстро и хорошо. Образ жизни его был прост, но приличен».

Однако Муравьёву недолго пришлось служить с Головиным. В деле при Ахульго Муравьёв был ранен. Затем, после излечения, его назначили начальником Черноморской береговой линии. На этом посту Муравьёв проявил себя деятельным и способным руководителем. В частности, много было сделано им для укрепления русского Черноморского побережья.

В 1841 году Муравьёв получил производство в генерал-майоры. Но из армии ему всё же в 1844 году пришлось уйти, — на этот раз навсегда: обострившаяся болезнь потребовала серьёзного лечения. Муравьёв уехал за границу. По возвращении оттуда его причислили к министерству внутренних дел, откуда он вскоре был назначен тульским военным и гражданским губернатором. Муравьёву шёл тогда 38 год. За плечами у него остался боевой опыт русского офицера, впереди открывалась административная деятельность. Начинался новый, богатый событиями период его жизни.

Губернаторство Муравьёва в Туле было кратковременным, и отнюдь не по его воле. С обычной своей обстоятельностью и систематичностью в занятиях Муравьёв довольно быстро вник в дела губернии, познакомился с её экономикой и представил своему министерству несколько отчётов. Эти отчёты не походили на привычные. В них иногда весьма резко ставился тот или иной вопрос, как, например, о рациональном ведении сельского хозяйства. Видимо, «служба пером» у Головина не прошла для Муравьёва бесследно: доказательства в защиту своей мысли молодой губернатор подкреплял историческими экскурсами; полемический выпад нередко заменял

ему холодные рассуждения. Нечего и говорить, что, всё это не было в правилах тогдашней чиновной бюрократии, которая, боясь ответственности, всегда предпочитала тянуть и запутывать разрешение вопроса, нежели приводить его в ясность. Поэтому Муравьёв был для неё слишком беспокойным человеком. На его отчётах стояли резолюции царя, иногда весьма категорические. Не исполнять эти резолюции было нельзя, исполнение же часто тормозилось из-за той «бездны противоречий», которыми при Николае I раздирался центральный правительственный аппарат. Даже лояльный чиновник в таких условиях оказывался между двух огней. Выражение «бездна противоречий» взято у одного из современников, который писал:

«В руководящих правительственных сферах и в среде высшей интеллигенции проявлялось тогда два совершенно противоположных политических направления: одни тяготели к Западу, считали своею обязанностью возиться с ним, прикрывая свою подчас постыдную уступчивость указанием на необходимость руководствоваться маккиавеллевско-меттерниховскою системою, свободною от всякого нравственного закона, для поддержания существующего порядка вещей и во избежание опасности нарушения установившегося равновесия. Представителем этого направления был граф К. В. Нессельроде, к которому, ради финансовых соображений, примыкал министр финансов Ф. П. Вронченко...

Другую группу, к которой присоединился Муравьёв со своею энергиею, составляли князь А. С. Меншиков со своим сотрудником по морскому ведомству Вас. Ал. Перовским, граф П. Н. Киселёв и министр внутренних дел Л. А. Перовский. Они держались строго Русской политики: никому не наступать на ногу, но и не уступать без надобности, из боязни каких-то мнимых опасностей»².

² И. Барсуков, том I, стр. 173—174.

Какой же была при этих обстоятельствах позиция царя? Автор приведённой цитаты, ограничивается следующими официально-благопристойными словами:

«Среди этих-то двух течений вёл свой корабль мощною рукою Император Николай, с необычайной твёрдостью, редким умением и прозорливостью, направляя его к той цели, которую» и т. д. «Между этими течениями, — заключает автор далее, — приходилось лавировать и Муравьёву».

Нарисованная здесь картина более чем выразительна. Если передать её содержание простыми словами, то получится, что царь, «осуществляя свою божественную волю», поступал по вдохновению, между тем, как в центральном правительственном аппарате орудовали немцы во главе с Нессельроде, которого молва недаром окрестила «министром нерусских дел». В тот год, когда Муравьёв губернаторствовал в Туле (1846), в борьбе двух, правильно охарактеризованных современником, направлений верх брало первое, и временщик Нессельроде многим казался вершителем судеб России. За спиной же у этого прибалтийского немца подвизались немцы рангом поменьше; весь государственный аппарат был засорён ими. Что им было до России, до русского народа! Ведь ещё со времени Державина всякому известно, что «немец уживётся где угодно; ему везде хорошо, везде отечество».

Вот с какой обстановкой столкнулся Муравьёв на новом для него административном поприще. Понятно, что ему трудно было «лавировать», да вряд ли он и умел это делать, по крайней мере, на первых порах. Генерал-майор русской армии, привыкший к категорическим решениям, он не мог не почувствовать себя несколько странно, сталкиваясь с чиновниками в ведомствах и министерствах. Он раздражался, что «не удаляют людей, мною представляемых к тому, и не награждают тех, кого я представил к наградам». Только впоследствии Муравьёв с большей отчётливостью уяснил себе своё положение и научился «лавировать», но всюду и всегда отношение его к Нессельроде, Клейнмихелю,

Бергу и им подобным было неизменным - он воевал с ними. Война была хотя, и бескровная, но от этого она не становилась менее ожесточённой. В этой войне Муравьев терял больше, чем его противники. Он горячился, волновался, но пробить этих, по выражению Толстого, «безнадёжно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми бывают только немцы», - не мог.

Муравьев был резок. Ещё в бытность свою на Кавказе на официальное замечание вышестоящего начальника из прибалтийских баронов о нарушении инструкции движения своей части, Муравьев ответил, что «он привык ходить не немецким, а муравьевским шагом»³.

Эта отповедь будет ещё более понятной, если учесть, что результатом ускоренного марша отряда Муравьева была превосходная операция, предотвратившая вторжение большой группы воинственных горцев за охраняемую линию.

В 1846 году Муравьев подал царю адрес от своего имени и от имени девяти помещиков, подписи которых ему удалось собрать. Другие помещики отказались подписаться — и не удивительно: в адресе шла речь об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Конечно, ставя перед царём вопрос об отмене крепостного права, Муравьев действовал как помещик, но самый этот факт весьма для него характерен не только потому, что он, как замечает сотрудник Муравьева. Венюков находился на этом пути «первым из губернаторов». Показательно другое: Муравьев своим острым умом уловил веяние времени, понял повелительную необходимость буржуазных реформ для России. Это делает честь его проницательности. Венюков, говоря о предложенной Муравьевым реформе, ссылается на его человеколюбие и, таким образом, переводит вопрос в область моральных принципов. Между тем, совершенно ясно, что если моральные принципы и стояли когда-нибудь перед Муравьевым, то лишь на втором плане. Судя по содержанию адреса, Муравьев заботился не столько о кре-

³ И. Барсуков, том I, стр. 108.

ствиях, сколько о помещиках, и выступал, как политик, от имени помещиков. Предложенный им способ разрешения аграрного вопроса в России был в основе своей помещичьим. «Вопрос об отмене крепостного права ещё не созрел для разрешения» — в таких, будто бы, словах царь велел ответить Муравьеву. Но с тех пор до самой своей смерти не упускал случая вспомнить о Муравьеве как, о «либерале» и «демократе», что в устах Николая I отнюдь не звучало похвалою.

В силу этих обстоятельств назначение Муравьева на должность исполняющего обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири вызвало много толков. Рассказывали, что царь сам объявил ему свою волю. В материалах для биографии Муравьева, собранных Барсуковым, приводится письмо Николая Николаевича к брату, в котором описывается встреча с царём. Царь проехал в Тулу ночью, и Муравьев представлялся ему рано утром в селе Сергеевском. «Это было в 7 часов утра, — писал Муравьев. — Государь тотчас объявил о моём назначении и говорил об этом предмете много в лестных для меня выражениях, говорил, что ему некогда было останавливаться не только в Туле, но и в Орле, ибо путь предстоит далёкий; приказал мне приехать в Петербург, где даст мне подробные наставления, и простился».

Муравьев писал брату по поводу нового назначения, что рад быть «вдали от всех интриг и пересуд вашего общества и света». Совершенно неожиданное впечатление от назначения было у провинциальных чиновников. Губернаторами, как правило, посылались люди, состарившиеся на гражданской и военной службе. Поэтому, когда генерал-губернатор Западной Сибири узнал, что соседом у него будет 38-летний Муравьев, он сильно возмутился и не уставал повторять: «Мальчишка назначен генерал-губернатором». Ему и впрямь казалось, что Муравьев сделал головокружительную карьеру. Между

тем, по своим способностям Муравьёв мог быть представлен в центральном правительственном аппарате.

Предшественником Муравьёва был генерал Руперт — вялый и недобросовестный человек. Его сменили после сенатской ревизии. Обнаружены были чудовищные злоупотребления. Управленческий аппарат Восточной Сибири был расшатан и засорён до такой степени, что богатейшая окраина вместо того, чтобы давать государственной казне доход, стала приносить сплошные убытки. Сюда нужен был решительный и энергичный человек, самостоятельный в своих действиях, чуждый бюрократическим традициям петербургских канцелярий.

При таких обстоятельствах началось тринадцатилетнее генерал-губернаторство Н. Н. Муравьёва в Восточной Сибири.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИРКУТСКЕ

В конце сентября 1847 года Муравьёв приехал из Тулы в Петербург, чтобы познакомиться с положением дел в крае, которым он должен был управлять. Следовало разобраться в деятельности Российско-Американской торговой компании⁴, в вопросах торговли с китайцами через Кяхту, в вопросах золотой промышленности и т. д. Все эти дела были в сильной степени запутаны, и нужна была особая настойчивость Муравьёва, чтобы в сравнительно короткий срок в них разобраться.

В Петербурге Муравьёву представили молодого флотского офицера Невельского. С первой же встречи Невельский рассказал Николаю Николаевичу о своих планах исследования устья Амура и посвятил его в свою заветную мечту — открыть России свободный путь к Тихому океану по Амуру. Муравьёв горячо поддержал Невельского и до отъезда в Сибирь постарался продвинуть в правительственных инстанциях этот вопрос. Таким

⁴ Российско-Американская торговая компания была купеческой компанией, учреждённой по образцу английских указом Павла I в 1793 г. с целью колонизации Аляски и развития русской торговли и промыслов на Дальнем Востоке. В связи с продажей Аляски США в 1868 г., компания была ликвидирована.

образом, новый губернатор сразу окунулся в гущу краевых дел и интересов. С этого момента и в течение последующих тринадцати лет Муравьев не только пребывал в должности губернатора Восточной Сибири, но и всеми силами содействовал её развитию. Более того: он стал в Сибири центром притяжения прогрессивных элементов.

П. А. Крапоткин, служивший в Иркутске в 1862 году, так отзывался о Муравьеве в своих известных «Записках революционера»: «Пост генерал-губернатора Восточной Сибири в продолжение нескольких лет занимал замечательный человек — граф Н. Н. Муравьев. Он был очень умён, очень деятелен, обаятелен, как личность, и желал работать на пользу края... Ему удалось отделаться почти от всех старых чиновников, смотревших на Сибирь, как на край, где можно грабить безнаказанно, и он окружил себя большей частью молодыми, честными офицерами, из которых многие имели такие же благие намерения, как и сам он»⁵.

Путешествовавший по Тихому океану и Сибири знаменитый русский писатель И. А. Гончаров провёл с Муравьевым несколько дней в 1854 году. «В беседах с ним, — вспоминает Гончаров, — я успел взглянуть в него, послушаться его мыслей, намерений, целей! Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями... которыми тормозили его ретивый пыл! Небольшого роста, нервный, подвижной. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видал у него. Это и боевой отважный борец, полный внутреннего огня к кипучести в речи, в движениях...»⁶.

Таким Муравьев был на взгляд людей передовых. Иным он представлялся хищникам и казнокрадам, с которыми расправа его была короткой. Удаляя их, он ни мало не считался с тем, что за их спиной стояли иногда влия-

⁵ П. А. Крапоткин, „Записки революционера“, стр. 111.

⁶ «Русское обозрение». Январь, 1891 г., стр. 9—10.

тельные покровители. Это навлекало на него много неприятностей, но Муравьёв был неизменен и беспощадно преследовал мошенников. Уже по дороге в Восточную Сибирь Муравьёв столкнулся с ними. В феврале 1848 года он приехал в Красноярск — первый на его пути сибирский губернский город. В Красноярске в то время было много шуму по делу о так называемых казённых остатках. Эти остатки раздавались «монаршей милостью» различным, близ царского двора стоявшим, прихлебателям. Усердно подыскивались причины для зачисления того или иного золотого прииска, на основании выгодного хищникам закона, казённым остатком. Как только такое зачисление совершалось, на завтра же к царю поступало ходатайство, и разработка прииска предоставлялась какому-либо высокопоставленному лицу или компании, в которой это лицо негласно участвовало. Таким путём богатейшие государственные прииски становились добычей хищников. Нигде и никогда подкуп не проявлялся в такой открытой форме и в таких широких размерах, как в деле с казёнными остатками. Муравьёву доложили в Красноярске, что готовится очередное зачисление двух богатых приисков в казённые остатки с тем, чтобы передать их затем в эксплуатацию крупным золотопромышленникам Машаровым. О подобных же делах он узнал и в Канске. В Иркутск — центр Восточной Сибири — Муравьёв приехал с твёрдым намерением пресечь эти злоупотребления. Поэтому в первый же день своего официального губернаторства Муравьёв вызвал к себе столначальника золотого стола в Горном отделении Мангазеева. Мангазеев, кроме общего всем тогдашним чиновникам взяточничества, придумал себе ещё и специальный вид дохода — он указывал за определённую мзду разным частным лицам выгодные казённые участки и помогал им становиться обладателями этих участков в ущерб другим претендентам. Об этом Муравьёву стало известно в Красноярске и Канске.

Сам Мангазеев так рассказывал впоследствии об этой своей первой и последней встрече с Муравьёвым:

«Стою, а возле меня стоит Савинский. Он и моложе меня по службе и заведывал-то всего соляным столом. Представляют его Муравьёву. — «Я так много слышал о вас хорошего», — и пошла писать: рассыпался в комплиментах... Потом вдруг спрашивает: «А где же Мангазеев?» — Ну думаю, если уж Савинского так расхвалил, то меня просто расцелует. Кланяюсь. — «Я надеюсь, что вы не станете со мной служить». — Вот тебе и похвала!»⁷.

Так началось управление Муравьёва. Немудрено, что за время его пребывания генерал-губернатором Восточной Сибири немало любителей залезть в казённый сундук было отдано под суд или покинуло территорию края, чтобы спасти свою шкуру. Зато людей честных, преданных долгу и России, Муравьёв всячески приближал к себе. Среди этих людей, которых, очевидно, имел в виду П. А. Крапоткин, были: А. Л. Шанявский, впоследствии основатель Московского народного университета, и Н. М. Ядринцев, известный публицист, этнограф и исследователь Сибири. Кроме того Муравьёв привлёк к работе многих ссыльных декабристов, оказавших ему немалые услуги своими разносторонними знаниями. В Иркутске, да и в других местах Восточной Сибири находились сосланные по делу о восстании 14 декабря 1825 года. Николай I запретил всем государственным учреждениям принимать ходатайства об улучшении их положения. Жёны декабристов — княгини Волконская и Трубецкая, воспетые Пушкиным, Одоевским и Некрасовым, жили в то время в Иркутске. Они ни с кем не встречались: иркутские обыватели боялись вести с ними знакомство. Муравьёв познакомился со многими из декабристов и стал привлекать их к работе. Разумеется, он делал это не потому, что разделял их политические взгляды, а потому, что понимал необходимость использовать их знания на пользу края. Государственные интересы

⁷ И. Барсуков, том I, стр. 179.

всегда стояли у Муравьёва на первом плане. Поэтому первым и незаменимым его помощником стал иркутский губернатор В. Н. Зарин,— человек, по отзывам знавших его современников, безукоризненной честности и твёрдости. Разумеется, бесследно такие перемены пройти не могли. Нетерпимость Муравьёва к фальши, крутые меры, применявшиеся им к хищникам, привлечение к управлению людей, которые в глазах чиновничества были «политически неблагонадёжными», — всё ставили в вину новому губернатору его враги. Доносы на него в Петербург сыпались в изобилии. Кажется, не было на свете такого греха, в котором не обвинялся бы начальник края. Буквально каждый месяц Муравьёв получал запросы из Петербурга по поводу той или иной жалобы, того или иного доноса на него. И бывший иркутский губернатор Пятницкий, и жандармский полковник Горашковский, и винные откупщики, и золотопромышленники - все клеветали на Муравьёва. Ему приходилось тратить много сил и времени, чтобы объяснять свои действия и отстаивать свое право на них. С большим трудом проводил он в столице мероприятия, казавшиеся ему необходимыми. Но убедить петербургских чиновников в нужности и полезности их было не так то легко. Сколько раз он поднимал вопрос о доверии! Не однажды он терпел и поражения в этой борьбе, совершенно уверенный, что поступает правильно, и всё-таки вынужденный признавать себя побежденным.

«Всем им хороши были генерал-губернаторы, - жаловался Муравьев в письме к брату, - которые любили есть, пить, волочиться и наживаться, но когда Государю угодно было назначить сюда меня, то они воображали, что обойдутся красными словами. На беду их Бог дал мне молодость и глубокую преданность России... Вот и пошли на меня войной, конечно, кабинетною, чернильною, дипломатическою, костическою...». В этой войне Муравьев признавал себя солдатом. «Напрасно ты убеждаешь меня беречь мое здоровье, — продолжает он в том же письме это все равно, как солдата, идущего на

приступ, убеждать беречь свою жизнь. Никакая борьба не обходится без сильных сотрясений...»⁸. Такое сотрясение Муравьёв испытал, в частности в пасхальные дни 1849 года. Готовилось производство его в генерал-лейтенанты и официальное утверждение в должности генерала-губернатора Восточной Сибири. 3 апреля вышел приказ о наградах. Муравьёв в этом приказе оказался обойдённым. Министр внутренних дел Перовский, пытавшийся выяснить причину столь странного факта, не добился никакого толку. Кто-то забыл внести Муравьёва, кто-то ошибся... Только 12 апреля специальным приказом он получил ожидаемое производство. Однако об официальном утверждении его в должности и на этот раз не было ни слова. Опять пришлось говорить о доверии и выслушать к тому же упрёк в тщеславии.

«Мне наград не нужно, — писал в ответ Муравьёв, — я служу по убеждению, с сознанием долга... мне нужны награды для поддержания моего авторитета в крае...»⁹.

Чтобы полнее представить ту атмосферу недоброжелательства в которой приходилось Муравьёву находиться в течение долгих лет, мы позволим себе ещё раз сослаться на свидетельство И. А. Гончарова.

Гончарова поразила способность Муравьёва воевать «с природой, с людьми на месте» и «в то же время бороться за хребтом с графом Нессельроде, о котором он не мог говорить хладнокровно... он одолевал природу, оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни. Но его в свою очередь одолевали чиновники. Пылкий, предприимчивый дух этого энергичного борца возмущался: человек не выдерживал, скрежетал зубами, и из обыкновенно ласкового, обходительного, приличного и» любезного он превращался на мгновение в рыкающего льва...»¹⁰.

⁸ И. Барсуков, том I, стр. 271—272

⁹ Там же, стр. 209.

¹⁰ «Русское обозрение». Январь, 1891 г., стр. 9—10.

«Жаль мне будет Восточной Сибири, — писал Муравьёв, — жаль великой её будущности, которая уничтожается петербургскими интриганами, потомство проклянёт их...»

СОТРУДНИЧЕСТВО С НЕВЕЛЬСКИМ И «АМУРСКИЙ ВОПРОС»

Выше говорилось, что ещё в Петербурге, до отъезда в Восточную Сибирь, Муравьёв добивался, чтобы молодому флотскому офицеру Невельскому было разрешено исследовать устье Амура, Мысль Невельского — завладеть амурским лиманом и тем открыть России свободный путь к Тихому океану — пришла Муравьёву по душе. Своим государственным умом он сразу же оценил её значение и горячо за неё ухватился. Муравьёв понимал, что Дальний Восток без судоходного Амура обречён на прозябание, а Сибирь без широкого выхода к океану, т. е. без Дальнего Востока, представляет собой, по фигуральному выражению современника, «завязанный мешок». Между тем, вопрос об Амуре оставался неясным. В литературе на этот счёт существовали различные мнения. Крупнейшие научные авторитеты утверждали, что по Амuru в океан пройти нельзя¹¹. И вот появился никому до того неизвестный флотский офицер, который доказывал нечто противоположное. Если бы Муравьёв меньше знал людей или не был самим собою, он, вероятно, отнёсся бы к Невельскому иначе,

¹¹ Исследования устья реки Амур производились в XVIII веке иностранными и русскими мореплавателями. Среди них выделяются Лаперуз, Браутон и Крузенштерн. Лаперуз прибыл в Татарский пролив с юга в 1783 году. Он открыл удобный для стоянки судов залив, который назвал заливом Де-Кастри. Там Лаперуз собирал у туземного населения сведения о северной части Сахалина и об устье реки Амур. Из бесед с людьми, бывавшими северней Де-Кастри, он вывел заключение, что Сахалин полуостров и что с юга войти в Амур нельзя. При проверке на месте Лаперуз наткнулся на мель, что убедило его в первоначальном заключении.

Через 10 лет тем же путём шёл Браутон и, наталкиваясь несколько раз на мели, согласился с выводами Лаперуза.

Первым вошёл в пролив с севера в 1805 году русский моряк И. Ф. Крузенштерн, но не довёл дело до конца — в устье Амура он не вошёл.

В 1844 году по тому же пути шёл академик А. Ф. Миддендорф и также не достиг устья Амура. Таким образом, до Невельского оставалось убеждение в правоте Лаперуза.

сочтя его слишком самонадеянным молодым человеком. Но Муравьёва не смутило, что Невельской усомнился в непогрешимости авторитетов. Он поверил Невельскому, увидев в нём русского патриота. С этой первой встречи и до последней оба мужественных человека — генерал и офицер — были связаны общей деятельностью, причём Невельской почитал Муравьёва старшим. Ходатайство Муравьёва за Невельского, как и следовало ожидать, натолкнулось на ярое противодействие Нессельроде. Однако Муравьёв был не из таких людей, чтобы отступать. После отъезда в Восточную Сибирь он не устал писать влиятельным лицам, чтобы Невельскому разрешили осуществить его намерение. Муравьёв настаивал на спешности этого мероприятия. «Иностранные державы могут нас опередить», — доказывал он в своих письмах.

Почему «амурский вопрос» представлялся тогда таким сложным? Дело в том, что в августе 1689 года был подведён своеобразный итог вольной русской и правительственной колонизации Приамурья. Открытые и освоенные землепроходцами амурские земли долгое время в течение XVII века были предметом спора между русскими казаками и соседями — маньчжурами. Поярков, Хабаров, Никифор Черниговский и другие положили немало сил для удержания за Россией вновь открытого русскими края. Но на китайском престоле в это время утвердилась маньчжурская династия, завоевательные устремления которой тоже были направлены на Амур. В течение шестидесятих и семидесятих годов XVII века между русскими казаками и маньчжурскими отрядами присылаемыми сюда китайским императором из маньчжур, шла упорная борьба за обладание Приамурьем. Борьба эта тянулась добрых три десятилетия с переменным успехом. То казаки очищали Амур от маньчжурских отрядов, то маньчжуры заставляли казаков отсиживаться в острожках — крепостях — от многочисленного противника. Но в восьмидесятих годах XVII века эта борьба обострилась. Многотысячное маньчжурское

войско блокировало устье Сунгари, а затем осадило главную крепость казаков на Амуре — Албазин.

Присланные из Москвы стрельцы и казаки оборонялись героически, и маньчжуры через пленных казаков предложили начать мирные переговоры. Из Москвы для этой цели прибыл «великий посол» Головин, который встретился с китайскими уполномоченными близ Нерчинска. Маньчжуры двинули к месту переговоров многотысячную регулярную армию и подвластных им воинственных монголо-бурят. В распоряжении же Головина было только 2 000 стрелков и солдат. При такой неблагоприятной для русских обстановке и был заключён нерчинский договор, по которому всё русское население уводилось с Амура, крепости срывались, а граница проводилась весьма условно — сначала по реке Горбице (что впадает в реку Шилку с левой стороны), а затем по горам до «моря протяжённым». Этих гор в действительности не существовало, поэтому наша восточная граница с Китаем оставалась неопределённой, так как никто не знал местности.

Как выяснилось значительно позже — в середине XIX века, китайское правительство полагало, что земли, лежащие по Амuru и по морскому побережью вплоть до корейской границы, принадлежат русским, а русское правительство считало эти земли неразграниченными и спорными. Но заинтересованное в торговле с Китаем через Кяхту оно оставляло этот вопрос открытым.

Русская торговля с Китаем началась ещё при Петре Первом. В 1727 году в результате долгих переговоров китайское правительство согласилось открыть два пограничных пункта: один на реке Кяхте, другой на реке Аргуни, около Нерчинского завода, в урочище Пурухайтуй. В этих пунктах и производилась торговля. Кроме того раз в три года русские правительственные караваны получали доступ в Пекин, где обосновался русский посольский двор. Торговля была, главным образом, меновая. С русской стороны шли сибирские меха, произведения отечественных мануфактур, с китайской — чай, шёлк и другие товары.

Наиболее успешно стала развиваться торговля на реке Кяхте. Здесь в 1828 году возник город Кяхта.

К концу XVIII века Кяхта стала почти единственным пунктом, откуда в северо-восточный Китай проникали европейские товары. Центральный промышленный район России и значительная часть польской промышленности работали на Кяхту. Больше того: русские купцы приобретали в Англии и других европейских странах крупные партии товаров и сбывали их в Китай через Кяхту. Кяхтинские таможенные сборы составляли значительную часть государственных доходов.

Так продолжалось до сороковых годов XIX столетия.

Правительство Китая было хорошо осведомлено о значении для России кяхтинского торгового пункта и на всякое, даже формальное, нарушение трактатов взяло за правило прекращать торговлю. Это была весьма действенная мера. Но после двух опиумных войн, открывших для европейской торговли дополнительно ещё пять китайских портов, Кяхта почти потеряла своё первоначальное значение.

Следовательно, к середине XIX века создалась явно благоприятная обстановка для пересмотра старых трактатов, заключённых между Россией и Китаем. Это превосходно понимал Муравьёв. И только крайний консерватизм, русского кабинета во главе с Нессельроде ставил на пути Муравьёва целый ряд препятствий.

Понадобился отважный капитан Невельской и решительный Муравьёв, чтобы так называемый «амурский вопрос» сдвинуть с мёртвой точки.

29 января 1849 года в Петербурге был создан «Комитет по морской экспедиции для исследования устьев Амура». Невельской не стал дожидаться учреждения этого комитета и ещё 21 августа 1848 года на транспорте «Байкал» вышел из Кронштадта. 12 мая 1849 года Невельской уже был в Петропавловске.

Нессельроде затягивал утверждение специальной инструкции, разрешающей Невельскому заниматься исследованиями устья Амура и Сахалина.

В свою очередь действовал и Муравьёв. Получив сведения о том, что в Петербурге создан «Комитет по морской экспедиции», Муравьёв немедленно отправил курьера к Невельскому в Петропавловск. Смысл его секретных директив был прямо противоположен намерениям Нессельроде, хотя Муравьёв и подчеркнул, что инструкция ещё не утверждена. Тогда Невельской на свой страх и риск, не теряя времени, сдал в Петропавловске груз и 31 мая отправился к восточному берегу Сахалина, имея целью начать отсюда свои исследования. Обогнув северную оконечность острова, Невельской вошёл с севера в Татарский пролив и 28 июля появился в лимане Амура.

В мае 1849 года Муравьёв выехал на Камчатку, чтобы осмотреть огромные подведомственные ему территории. Это был первый губернатор, побывавший в этих местах.

22 августа Муравьёв и Невельской встретились в Аяне. Первыми словами Невельского были: «Главное кончено... всё благополучно... Сахалин остров, вход в лиман и реку Амур возможны для мореходных судов с севера и юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно. Истина обнаружилась: доношу вам об этом ныне».

Для Муравьёва вопрос был ясен, он ни на минуту не усомнился в результатах экспедиции Невельского. Но как убедить в этом столицу? Предвидя неизбежность столкновения, Муравьёв решил к нему готовиться основательно. Прежде всего, он условился с Невельским встретиться в Иркутске, чтобы выработать план совместных действий для защиты в Петербурге результатов исследования амурского лимана. Затем он срочно отправился обратно. Из Якутска Муравьёв послал письмо министру внутренних дел. «Во всём этом путешествии я видел всё, что мне было нужно, — писал он, — видел и Сахалин, встретился и с Невельским, который превосходно исполнил своё пору-

чение и с такою полнотою, быстротою, добросовестностью и смыслом, что ему могут позавидовать и бессмертный Крузенштерн и всеведущий Миддендорф»¹².

Невельской приехал в Иркутск в конце ноября. Вместе со своими офицерами он стал приводить в порядок журналы и карты; увлечённый делом, он, казалось, забыл о том, какой приём готовит ему столица. А в столице не поверили его открытиям. Более того: его действия нашли дерзкими и подлежащими наказанию. Так что когда Невельской 28 января 1850 года появился в Петербурге, его встретили очень холодно и сказали, что царь, хотя и простил поспешность, проявленную им в исследовании устья Амура, но сомневается в истинности открытий.

Но к этому времени Муравьёв уже прислал в Петербург рапорт о необходимости в предстоящую же навигацию 1850 года занять амурский лиман и создать там военный пост. Муравьёв требовал для этого 70 солдат, а для наилучшего проведения всей операции просил командировать в его распоряжение Невельского. Муравьёв предлагал также приступить к постройке пароходов и пристаней на Амуре. Он указывал на иркутского купца Кузнецова, имевшего намерение вложить в это дело свои капиталы. Словом, Муравьёв настойчиво добивался того, чтобы царское правительство признало необходимость и важность закрепления Приамурья за Россией.

2 февраля «амурский вопрос» обсуждался на заседании Особого Комитета. Председатель Комитета Нессельроде заявил, что, полагаясь на западноевропейские авторитеты, он уверен в ошибке Невельского. Нессельроде выразил удивление, каким образом возможно занять устье Амура таким ничтожным количеством солдат, — 70 человек, когда известно, что река охраняется большой китайской силой. На это Невельской ответил министру:

¹² И. Барсуков, том 1, стр. 225

«Всё, что я доношу, так же верно, как верно то, что я стою здесь. Что же касается до китайской силы, то сведения об этом неправильны. Не только китайской силы, но и малейшего китайского правительственного влияния там не существует. Весь этот край, при настоящих открытиях, т. е. возможности проникнуть в оный с юга, из Татарского залива, может сделаться добычей всякого смелого пришельца, если мы, согласно представлению генерал-губернатора, не примем ныне же решительных мер. Я сказал всё, и правительство в справедливости мною сказанного может легко удостоверить-ся».

Однако, несмотря на всё своё красноречие и данные, которыми он располагал, Невельскому не удалось поколебать в Комитете настороженного отношения к результатам своих исследований. 3 февраля, т. е. на другой день после заседания Комитета, генерал-губернатору Восточной Сибири было послано следующее повеление царя, отражающее компромиссное решение итого вопроса.

«1. В заливе «Счастия» или в какой-либо местности на юго-восточном берегу Охотского моря, но отнюдь не в лимане, а тем более на р. Амур, — основать зимовье.

2. В зимовье том Российско-Американской компании производить распродажу с гиляками, но ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и р. Амур.

3. Для основания этого зимовья, а равно и для охранения оного взять 25 человек матросов и казаков из Охотска.

4. Исполнение этого произвести под наблюдением и по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири, под непосредственным ведением которого и должны состоять все действия этой экспедиции.

5. Для приведения на месте этого повеления, а равно и для зимовья, командировать в распоряжение генерал-губернатора капитана 2 ранга Невельского».

Невельской спешно возвратился в Иркутск, а оттуда отправился в Аян. Муравьёв дал ему указание, чтобы при выборе места для зимовья, о котором говорилось в повелении царя, была учтена возможность в любое время достигнуть отсюда берегов Амура по суше. Невельской в точности выполнил эту директиву Муравьёва: 29 июня 1850 года он заложил зимовье Петровское, ставшее впоследствии основным опорным пунктом для его дальнейших действий в низовьях Амура.

Невельской рвался к амурскому лиману. Половинчатое решение об Амуре его не удовлетворяло. Политика Нессельроде вызывала у него, как и у Муравьёва, горячий протест. Он снова решался действовать на собственный страх и риск. Вероятно, с согласия Муравьёва, Невельской 14 июля вошёл в Амур на шлюпке с шестью вооружёнными матросами и поднялся вверх по реке, примерно, на сто километров. 1 августа Невельской возвратился к мысу Куегда. «Здесь, в 25 верстах от устья, 6 августа, он впервые поднял на свободных берегах Амура русский военный флаг, при криках «ура!» бывших с ним матросов, и объявил притом гилякам соседней деревни Куегды, что отныне они поступают под русскую защиту и покровительство. Так совершилось первое занятие русскими устья Амура. Оставив здесь пост из 5 человек своих гребцов, капитан Невельской назвал его Николаевским».

Казалось, мечта Невельского осуществилась, но Муравьёв понимал, что действия неукротимого капитана встретят в столице ещё более резкое осуждение, чем то было в первый раз. Опять встанет вопрос о его наказании. Поэтому Муравьёв стал настойчиво добиваться, чтобы ему разрешили приехать в Петербург. Как только разрешение было получено, Муравьёв сразу же выехал. Между тем, Невельской спешил с Амура с личным докладом к генерал-губернатору, но

в Иркутске Муравьёва уже не застал. Его ждало письменное предписание Муравьёва — немедленно мчаться на курьерских в столицу со всеми материалами, касающимися занятия устья Амура и устройства Николаевского военного поста. По тону предписания Невельской, наконец, уяснил себе, что самоуправство его может кончиться разжалованием и, не задерживаясь в Иркутске ни одного дня, выехал вслед за Муравьёвым.

Всю осень 1850 года Муравьёв пробыл в Петербурге. Много раз ему приходилось доказывать одно и то же — что опасения Нессельроде, будто в устье Амура стоит большая китайская сила, неосновательны, что Приамурье может и должно принадлежать России. Муравьёв с твёрдостью решил бороться со своими противниками. Он добился аудиенции у царя. После специального доклада царю, где Муравьёв утверждал, что жители устья Амура — гиляки — независимы и что власть китайцев на них не распространяется, был утверждён специальный Гиляцкий Комитет. Но председательствовать в этом комитете стал всё тот же... Нессельроде. Члены Комитета, как и сам Нессельроде, заняли по отношению к Муравьёву явно враждебную позицию и не пытались этого скрывать. На первом же заседании Муравьёву было заявлено, что занятие устья Амура — авантюра, что это акт личного его честолюбия. «Вы хотите воздвигнуть себе памятник!» — бросил Муравьёву член Комитета князь Чернышев. Нессельроде же заявил: «Для сохранения чести и достоинства нашего правительства, гораздо лучше теперь же удалиться с Амура».

Генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков тоже выразил свои опасения за будущность вверенного ему края в том случае, если будет разрешён «амурский вопрос». Он конфиденциально сообщил князю Чернышеву, что «Амур для России лишнее, что неизмеримые дебри от Якутска до Камчатки и к Охотскому побережью являют собой границу; не требующую охранения и, что всего важнее, отстраняют жителей Сибири от непосредственного прикосновения к иностранцам, которое легко могло бы обратиться в дело пагубной про-

паганды и в путь существенного вспомоществования беспорядку». «Но что будет, — спрашивал он, — если народонаселение сблизится с англичанами, американцами, которые примут на себя лёгкий труд внушить народу, что ему за своё золото удобнее получать от них то, что поныне доставлялось из России и что в случае нужды они поддержат эту сделку оружием?». Князь сослался на современную и даже древнюю историю, свидетельствующую, что *«дух крамолы принимает всякие формы и сверх ожидания заводит людей далеко»*¹³. Это был явный намёк на деятельность Муравьёва.

В итоге первого заседания Муравьёву прислали на квартиру протокол. Его подписали все члены Гиляцкого Комитета, остановка была за Муравьёвым. В протоколе говорилось, что занимать устье Амура неудобно по соображениям политическим, в заключение было сказано, что *«призванный в заседание генерал-губернатор Муравьёв согласился с этим мнением»*. Курьер, привёзший протокол, передал Муравьёву просьбу Нессельроде, которая заключалась только в том, чтобы подписать протокол и немедленно его возвратить. Курьер приехал вечером; у Муравьёва были гости. Курьеру предложили стакан чаю, и, пока он сидел за столом, Муравьёв прочитал протокол и написал в нём своё особое мнение, ничего общего не имеющее с содержанием заранее подготовленного решения.

Вновь собрался Комитет, вынес вторичное решение — воздержаться, от занятия устья реки Амур. Муравьёв опротестовал и это решение. Наконец, сошлись на компромиссе: Николаевский пост сохранить, но считать его лавкой Российско-Американской компании и лишь через эту компанию продолжать дальнейшие действия по занятию прилегающих территорий. В связи с этим 5 февраля 1851 года царский сенат послал китайскому трибуналу внешних сношений ноту, в которой предлагал совместно обеспечить устье Амура от могущих быть покушений на него иностранных держав. По смыслу

¹³ И. Барсуков, том I, стр. 203—204.

этого предложения, Российско-Американской компании предоставлялось право, в случае, если вблизи устья Амура появятся иностранные суда и обнаружатся их намерения занять какой-либо пункт, заявлять, что это недопустимо без согласия российского и китайского правительств.

Несмотря на постоянные напоминания об ответственности и осторожности, такой оборот дела всё же позволял продолжать исследования амурского лимана, и Невельской настойчиво занимался этим всё лето 1851 года. Он поднялся вверх по Амуру до места, где ныне стоит село Богородское, посетил залив Де-Кастри. Офицеры Невельского побывали на Сахалине. Муравьёв же, опираясь на данные этих исследований, не менее настойчиво продвигал в правительстве вопрос о закреплении всё новых территорий.

В 1852 году он ходатайствовал о занятии залива Де-Кастри и селения Кизи на правом берегу амурского лимана. Кроме того, Муравьёв просил, чтобы ему было дозволено в следующем, 1853 году организовать по Амуру сплав продовольствия для гарнизона Николаевского поста. Ответ был отрицательный, в нём говорилось: «Государь император, *вследствие объяснения канцлера графа Нессельроде*, «е утвердил занятия селения Кизи, и залива Де-Кастри и сплава по Амуру, а повелел ещё повторить вам¹ о необходимости крайней осторожности и неспешности в этом деле»¹⁴.

Только в марте 1853 года Муравьёв, прибывший специально для этой цели в Петербург, добился, что Российско-Американской компании было официально разрешено занять остров Сахалин, залив Де-Кастри и озеро Кизи.

Нессельроде пуще всего предостерегал царя против возможных осложнений с Китаем. Однако вопрос о русско-китайской границе должен же был когда-нибудь встать во всей остроте. И он встал после того, как русские появились на обоих берегах нижнего Амура. В связи с этим сенат 16 июня 1853 года послал Пекинскому трибуналу внешних сношений следующее представление:

¹⁴ И. Барсуков, том I, стр. 315.

«По существующим трактатам граница от реки Горбицы к востоку, положенная до верховья реки Уди, должна идти Хинганским или Становым хребтом гор, а от верховья реки Уди тем же хребтом до моря протяжённым, таким образом, что все реки, текущие по южную сторону этого хребта, должны состоять во владении Китайского государства, а реки по всем прочим направлениям, текущие из этого хребта, — во владении Российского государства. Но, так как на всём этом пространстве пограничные знаки не поставлены, то поэтому и приглашается Китайское правительство прислать своих уполномоченных для постановления этих знаков, в виду разграничения пространства до моря, оставшегося до усмотрения не разграниченным».

Документ, характерный для той нерешительной позиции, которую занимало николаевское правительство в амурских делах! Китайцам давался повод уклоняться от мысли, которую Муравьёв постоянно внушал всем и каждому, — что левый берег Амура должен принадлежать России. В документе указывалось лишь на необходимость поставить пограничные столбы, что же касается точного определения границ в восточных районах, вовсе не разграниченных, то об этом в ноте говорилось как о вопросе второстепенном.

Что оставалось делать Муравьёву? Он вновь протестовал и в то же время всеми мерами уклонялся от участия в подобной демаркации русско-китайской границы, но потерпел неудачу. Однако Муравьёв добился своего в другом: после долгих обсуждений Особый Комитет поручил ему вести переговоры с китайским правительством о демаркации границ и допустил сплав по Амуру. Утверждая это решение, царь предупредил Муравьёва: «Но чтобы и не пахло порохом дымом». Муравьёв ничего не ответил, он знал, что эти опасения внушены царю Нессельроде. Тотчас же после аудиенции у царя Муравьёв отправил своего ближайшего помощника Карсакова в Иркутск спешно готовить сплав. Подходила весна, времени оставалось мало. Поэтому вскоре и сам Николай Николаевич оставил столицу

и на курьерских поспешил в далёкий край. Карсаков же пробыл в Иркутске не-долго. Перебравшись на Шилку, он энергично принялся за дело. Чем же *объяснить* такое внезапное изменение политики правительства в отношении Амура? Прежде всего тем, что вспыхнула печально известная «Восточная» или «Крымская» война. Русские тихоокеанские владения оказались под угрозой. Побережье Америки и открытые китайские порты стали базой весьма значительных морских сил противников России. В любой момент могло быть совершено нападение на главный русский порт — Петропавловск. Минимально необходимого количества войск, вооружения и продуктов на Камчатке не было. Война застала дальневосточную окраину врасплох. Из Кронштадта, как это делалось раньше, доставить всё необходимое не представляло возможным. Морское сообщение контролировалось весьма значительным англо-французским флотом. Единственным способом обеспечить защиту Камчатки и побережья было установление сообщения по ещё не разграниченному Амуру.

Вот почему самая обстановка благоприятствовала Муравьёву в реализации давно задуманного им плана.

16 марта 1854 года Муравьёв писал Карсакову: «Только три дня, как я в Иркутске, любезный Миша... Спасибо Вам с Казакевичем за усердие и успех... Пехоту я, кажется, и говорил разделить на две части для хозяйства и счёта; но строевой расчёт должен быть батальонный из всех 700 человек; как только Все сойдутся, так тотчас расчитай на восемь взводов и раздели на два полубатальона для управления и хозяйства, и на суда расчитывать должно из батальонного же порядка. Офицеров для пехоты четырёх довольно: в каждой сотне два, потому что она останется и там в полном составе, и батальон сводный временный... Покупай и заготовляй всё, что нужно: т. е. скот и прочее; деньги требуй из Чи-

ты... Я необходимо должен пробыть здесь около трёх недель ещё и перееду Байкал по последней возможности»¹⁵.

Ни на один день не оставлял Муравьёв без внимания подготовляемый сплав. Он интересовался буквально каждой мелочью, но и это его не удовлетворяло. Горячее желание быть на месте, чтобы самому всё видеть и предусмотреть, не давало ему покоя. Наконец, 19 апреля Муравьёв выехал из Иркутска по Кругобайкальской дороге, заехал по пути в Кяхту и 7 мая прибыл в Шилкинский завод. Здесь он проверил, всё ли готово к сплаву, и отдал приказ начинать сплав 14 мая. 9 мая состоялось празднество в честь участников экспедиции. В хлопотах прошло ещё несколько дней. Но вот наступило и 14 мая 1854 года. «День был чудный, — вспоминал впоследствии один из участников экспедиции, — солнце ярко освещало берега Шилки; и хребты, и долины, озарённые его светом, казалось, радовались тому, что происходило на реке. Около четырёх часов (утра. Ред.) пробили тревогу. Из лагеря вышел Муравьёв со своей свитой, и все мы двинулись к берегу... После церковного служения генеральская лодка подняла на мачте флаг. Все стали по лодкам, скомандовали отвал...»

«...Впереди всех понеслась лодка Муравьёва, а за нею все прочие суда. Запестрели перед нами берега Шилки, оглашаемые громкими криками «ура!» с берега и реки и плеском вёсел. Великолепна была Шилка в эту светлую минуту! Гордо катились воды ея: ей, казалось, нравилась, полюбились свежая флотилия, которая неслась перед ея берегами к свежему делу.

Заводская пушка приветствовала нашу флотилию; горные пади вторили ей, и всё население Шилки кидало шапки на воздух при крике «ура!». Это было восторженное, единодушное, радостное приветствие, предзнаменование благого исхода новому пути.

¹⁵ И. Барсуков, том I, стр. 351—352.

По излучине реки в этом месте, на две с лишком версты растянулась флотилия. Впереди её открывала плавание высокая мачта с генеральским флагом; за ней, перегоняя друг друга, неслись три офицерские лодки, а за ними целой массой следовали баржи, плоты и плашкоуты»¹⁶.

18 мая флотилия вошла в Амур, а ещё через два дня подошла к бывшему Албазинскому острогу. 14 июня экспедиция была уже у Мариинского поста.

Путь по Амуру был открыт. Значение первого сплава неоценимо, поскольку им утверждалось фактическое признание Амура русской рекой.

Ровно через год — 14 мая 1855 года — по Шилке двинулся второй сплав. На плотах ехали солдаты с грузом для старых постов, а также поселенцы, которые должны были основать на новой земле Приамурья первые русские сёла.

К концу 1855 года в низовьях Амура было уже пять русских сёл: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское и Сергеевское. В них насчитывалось около 500 «крестьянских душ» обоего пола. Поселенцы разместились сначала в землянках, а затем приступили к постройке жилых домов. Осенью они получили, домашний скот. Амурская земля начала обживаться русскими людьми. По самой же реке вверх и вниз началось движение. На берегах Амура зазвучала свободная русская речь. Со вторым сплавом Муравьёв вёз в Николаевский пост пушки, ружья и боевые припасы к ним: восточная война уже явно грозила перекинуться к устью Амура, следовало подготовиться к отпору. Как мы знаем, эти опасения не были безосновательными. Крымская война получила на Дальнем Востоке громкий отзвук. Экспедиция англо-французов на Камчатку и героическая оборона Петропавловска — факты весьма красноречивые для того, чтобы понять настойчивость Муравьёва, который неустанно твердил о необходимости защищать русское Тихоокеанское побережье достаточной военной силой. Теперь же он беспокоился

¹⁶ Н. Д. Свербеев. «Плавание по Амуру», стр. 25.

об устье Амура. По пути, в Мариинске, у него произошла встреча с представителями китайских властей. Китайцы были своевременно извещены, что по реке сплавляются не только переселенцы и грузы для них, но также и военное снаряжение, что русские готовят отпор возможному иностранному вторжению в низовья Амура. Это известие не встретило со стороны китайцев никакого протеста. Они и сами были заинтересованы в том, чтобы сохранить мир на берегах Амура. Переговоры Муравьёва с китайскими уполномоченными в Мариинске начались 9 сентября 1855 года. Муравьёв выдвинул два основных требования:

1. Границей между Россией и Китаем должна быть река Амур.
2. Плавание по Амуру должно быть свободным для обеих сторон.

Кроме того Муравьёв настаивал на признании за Россией права защиты устья Амура от иностранного вторжения, а отсюда и свободы для русских селиться по правому берегу реки и в её низовьях.

Через несколько дней китайские представители заявили, что они не уполномочены самостоятельно решать такого рода вопросы, и уехали, чтобы доложить о русских требованиях своим властям.

Спустя три месяца Муравьёв получил от них официальное извещение, что, согласно указу богдыхана, в будущем 1856 году, русским судам спускаться по реке не будет дозволено. Однако трибунал внешних сношений может допустить плавание по Амуру после взаимной переписки между обоими правительствами.

Муравьёва не смутил такой исход переговоров. Он направил своего чиновника М. С. Волконского в Ургу выяснить действительные намерения китайских властей, а сам стал проситься в Петербург, чтобы представить правительству подробный доклад по «амурскому вопросу». Волконский блестяще справился с поручением своего шефа. Он выяснил, что китайцы, в целях защиты

Амура от иностранного вторжения, не намерены препятствовать сплаву и что никаких с их стороны военных приготовлений против России не делается.

В столице же в это время Нессельроде утверждал иное. По-прежнему он советовал проявлять в «амурском вопросе» крайнюю осторожность, считая, что пределом дипломатического успеха будет, если удастся «испросить у Китайцев права плавания по Амуру и учреждения на сей реке, в некоторых пунктах, станций для склада нужных заготовлений провизии и топлива»¹⁷.

Но к тому времени изменилась в Петербурге общая политическая обстановка. Умер Николай I, на престол вступил Александр II. Новое царствование, как это всегда бывало, начиналось с пересмотра старых установлений. Носились слухи о заключении мира, о переменах в области внутренней политики. В этот момент в столицу прибыл Муравьёв. Он без труда опроверг все тревожные представления министерства иностранных дел, сообщив, на основании донесения Волконского, что имеются все возможности добиться закрепления русских прав на Амуре. Более того: Муравьёв брался завершить дипломатические переговоры)с китайскими властями.)

«Убеждения его, — отмечает современник, — до того были ясны и сильны, что Государь Император повелел Министерству Иностранных Дел снабдить генерала Муравьёва полномочием для переговоров с Китайцами и заключения с ними условий...»¹⁸.

Однако Нессельроде, не принимая в расчёт изменившейся обстановки, упрямо вёл свою линию. Прошло ещё не мало времени, прежде чем Муравьёв получил от министерства иностранных дел нужные документы. Так, по необходимости генерал-губернатор Восточной Сибири стал дипломатом. Ещё до отъезда в Иркутск Муравьёву стало известно об окончании Крымской войны и о заключении в Париже мирного договора. Таким образом, сама со-

¹⁷ И. Барсуков, том I, стр. 445.

¹⁸ Там же.

бою исчезала угроза перенесения военных действий в устье Амура. Это в значительной степени облегчало задачу Муравьёва, и он на этот раз возвращался в Восточную Сибирь с самыми лучшими надеждами.

Приближалась весна 1856 года, надвигался третий сплав по Амуру. Сам Муравьёв уже не мог принять в нём участия, а поручил его своему помощнику Корсакову. По этому поводу Муравьёв писал ему:

«Не сомневаюсь, что ты сумеешь обойтись с Китайцами... и даже, если б они вздумали загородить тебе дорогу своими джонками, то продолжай идти безостановочно, не делая им никакого вреда; а если они станут стрелять, то скажи, что они будут отвечать за это перед своим правительством, и письменно объяви об этом в городе; но по всему полагать должно, что они до такой крайности дойти не осмелятся, и вероятно, что ты, ещё перед отплытием получишь из Иркутска известие, что они разрешают плавание и на нынешний год: это должно быть в ответ на Сенатский лист...».¹⁹

Третий сплав, как и два предыдущих, прошёл благополучно. В конце 1855 года правительство, по представлению Муравьёва, утвердило образование Приморской области Восточной Сибири, в состав которой вошла прежняя Камчатская область, Охотское побережье и Приамурье. Центром новой области стал Николаевский пост, преобразованный впоследствии в город Николаевск-на-Амуре. Было утверждено также переселение на Амур пешей воинской бригады. В том же году между Мариинском и Николаевском были построены почтовые станции, а зимой открылось по Амуру первое почтовое сообщение. Этими мерами принадлежность Приамурья России закреплялась окончательно. Требовалось фактическую сторону дела оформить юридически. «Дело Амура, — писал Муравьёв Карсакову 1 декабря 1856 года, — как ты видишь уже из бумаг, явно и решительно поддерживается правительством». Это была победа Муравьёва. Она представлялась тем более

¹⁹ И. Барсуков, том I, стр. 447.

полной, что вскоре после подписания мирного договора в Париже, получил отставку постоянный противник Муравьева — Нессельроде. Это открывало перед Муравьевым более широкие возможности отстаивать дело Амура теперь уже на новом, дипломатическом поприще.

УСПЕШНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ «АМУРСКОГО ВОПРОСА»

Как политический деятель Муравьев ярко воплощал в себе национальную идею. Он горячо любил Россию. Но он был человеком своего времени. Письма его иногда напоминают проповедь священника — так много в них ссылок на евангельские тексты и упований на волю божию. Чем старше он становился, тем верноподданнее звучали его обращения к царю и к представителям императорской фамилии. Вряд ли он мыслил себя когда-нибудь вне самодержавного строя. Он служил монархии верой и правдой. Наконец, при желании можно найти в его административной деятельности и элементы самодурства, и любовь к помпе, и другие характерные черты чиновной аристократии николаевского времени, беспощадно высмеянные ещё Салтыковым-Щедриным. Но за всем этим надо видеть основное, драгоценное качество его натуры — любовь к России. Случалось, что во имя этой любви Муравьев был вынужден высказывать резкую правду — и он не боялся это делать.

Муравьеву принадлежат замечательные слова о русском народе: «Русский народ, — говорил Муравьев, — представляется мне в виде огромного, сильного слона. Идёт себе этот слон по своей дороге тихо, спокойно, медленно подвигаясь вперёд и всё вперёд. А у головы его, вокруг ушей, кишат кучи мошек, мух и комаров. Все они жужжат ему в уши, садятся ему на голову и вообще беспокоят его. Но слон идёт себе всё вперёд и помахивает хоботом направо и налево от беспокойных мошек. Так и Россия наша... всё она идёт себе вперёд как мощная, хотя и тяжёлая на подъём, слоновая натура»²⁰.

²⁰ И. Барсуков, том I, стр. 670.

Муравьёв глубоко верил в Россию, и ничто, даже неудачная Крымская война, не могло поколебать в нём этой веры. Время от времени болезнь требовала его пребывания за границей. Муравьёв с большим интересом присматривался к европейским порядкам, и не только как политический деятель, но и как просто русский. В 1856 году он писал брату о своём пребывании в Европе: «Путешествие моё было весьма не неприятно в нравственном отношении, но и весьма поучительно: я более, чем когда-либо, убедился, что вся будущность принадлежит России, лишь бы мы не слишком падали духом...»²¹. Однажды поняв, что Амур является для России великим благом и что борьба за присоединение Приамурья должна составить главное содержание всей его деятельности в Восточной Сибири, — Муравьёв, как истинный сын своего народа, настойчиво шёл к цели. Бывали у него моменты упадка и даже отчаяния, когда ему казалось, «нессельродовские чиновники», как он выражался, взяли верх и «похоронили святое дело». В 1852 году он жаловался своему дяде: «Бог ведаёт, а что гаснет священный огонь, то чувствую ежедневно; бывают ещё вспышки, но реже и реже. Мне было сказано при 10-ти сановниках, что я все делаю из честолюбия и хочу себе воздвигнуть памятник; мысль эта, как вижу, укоренилась, и всякое дело через неё процеживается; люди менее резкие говорят, что я тороплюсь. Если всё это оттого, что здесь генерал-губернатором я, то не следует ли мне или умереть или уйти, чтобы не помешать вековым предприятиям; при другом поверят, что надобно действовать, чтобы не потерять своего на целые века. Вот в каком, смысле я сожалею, что нет ко мне доверия»²². Насколько необходимо было ему доверие, показывают воспоминания его сотрудника Струве. Воспоминания относятся к 1853 году, когда царь «вследствие объяснения канцлера Нессельроде не утвердил занятия селения Кизи и залива Де-Кастри». Муравьёв поехал для объяснения в Пе-

²¹ Там же, стр. 466.

²² И. Барсуков, том I, стр. 304.

тербург. «Я проводил его до первой станции Зуевой, — пишет Струве... — Тут, в повозке, со мною сглазу на глаз, он прямо высказался, что едва ли вернётся опять в Восточную Сибирь, потому что высшее правительство ему не доверяет, а быть на своём месте безмолвным свидетелем того, что творится в ущерб государственному вопросу первостепенной важности, он не желает и считает преступным. «Лучше уйти, другому, может быть, поверят», - с этими словами он простился»²³.

Наконец, история с прошением об отставке, которую Муравьёв просил в 1856 году, также была связана с вопросом о доверии.

«Я не в такой степени болен, — писал Муравьёв Н. А. Сухозанету, - чтоб не мог доехать до Иркутска; но смею и должен повторить здесь, что, без особенного доверия... я буду там для края бесполезен, а для себя вреден; слабое здоровье моё легче перенесёт трудные пути и лишения, чем неприятности, проистекающие или от неполноты доверия ко мне, или от незначительности положения моего, или, наконец, от желания уменьшить достоинство того, что в девять лет сделано в Восточной Сибири»²⁴.

Отставка не была принята, и Муравьёв, по свидетельству очевидцев, по возвращении домой разразился страшным гневом на самого себя, упрекая себя в слабости. Несколькими месяцами позже, когда в руках Муравьёва уже были полномочия на дипломатические переговоры с китайскими властями, он так объяснял Карсакову своё состояние: «Я сделал величайшую жертву для Амура, возвращаясь в Сибирь, ибо и мне и жене необходимо было жить в умеренном климате, особливо зимою. Я сделал всё для того, чтобы не поставить правительство в затруднение выбирать нового человека на моё место»²⁵. В этих словах - весь Муравьёв, послушный велению долга, он снова был на посту. Впрочем, минутные слабости были редки у него. Вся деятельность Му-

²³ «Воспоминания о Сибири», стр. 152.

²⁴ И. Барсуков, том I, стр. 472.

²⁵ И. Барсуков, том I, стр. 479.

Муравьёва на Дальнем Востоке отличается исключительной целеустремлённостью. Недаром говорил Гончаров, что Муравьёв словно был создан для того, чтобы оживлять пустыни. Надо представить себе Дальний Восток в ту пору, чтобы понять, как много зависело здесь от энергии Муравьёва и его сподвижников. Дикий незаселённый край требовалось исследовать и освоить, и Муравьёв был первым государственным деятелем, взявшимся разрешить эту задачу. При этом он не довольствовался тем, что делали его сотрудники. Весьма часто, оставив управление в Иркутске на попечение Зарина или Карсакова, он предпринимал длительные путешествия на Амур и по Тихоокеанскому побережью. Морем или узкой охотничьей тропой продвигался Муравьёв по новым местам, и окружающие его мужественные русские люди только дивились, как мог он со своим слабым здоровьем и в уже почтённом возрасте совершать столь далёкий путь. Ведь, чтобы доехать из Иркутска до Аяна или Камчатки требовались в то время не недели, а месяцы. Вот почему, несмотря на известное предубеждение против его генеральского мундира, которое было у простых русских людей, Муравьёва всюду встречали с энтузиазмом. Простые русские люди - солдаты, плотники, крестьяне — сердцем чувствовали, что Муравьёв так же, как и они, делает одно, нужное для России, дело. С этой точки зрения весьма характерен эпизод, рассказанный Чаплеевским. Шла подготовка ко второму сплаву. В Шилкинском заводе строились суда для экспедиции. Стройка производилась 15-м батальоном и ссыльно-каторжными, под наблюдением полковника Назимова. Рабочая команда состояла из тысячи человек. Всех судов было построено до ста тридцати. Они могли поднять до четырёхсот тысяч пудов груза. Для осмотра судов из Сретенска прибыл Муравьёв. Он проехал верхом с одним проводником-казаком по горной тропе, опасной для проезда всегда, и тем более весной. «Тропа эта, — рассказывает Чаплеевский, — часто пролегает по узким карнизам отвесных скал; есть по ней много мест, где одно

стремя касается скал, а другое висит над пропастью в 70 и более саженьей. Горные реки, дно которых покрыто в это время льдом, а сверху с пеной мчатся потоки, катя с громом камни, лёд и лес, останавливают даже и привычного к таким переправам сибиряка, — не задержали Муравьёва, и он явился прямо верхом на гавань, где стучало до тысячи топоров и конопатов. Увидев, что, суда готовы, Муравьёв тут же обнял и расцеловал Назимова и офицеров, собрал всех работавших и сердечным, простым, могучим словом поблагодарил их за труд, так что толпа эта, при громких криках, подняла его на воздух и ликовала бесшабашно, позабыв долгий и тяжёлый труд свой, и готовая теперь бодро идти с ним, как говорится, и в огонь и в воду. Сила речи Муравьёва в таких случаях была какая-то жгучая, увлекала она самую разнохарактерную толпу, превращая её в одну лавину, готовую ринуться, куда бы ни вздумалось ему толкнуть её. Из Шилкинского завода Муравьёв на другой же день и по таким же тропам горным отправился осматривать постройку судов на Усть-Каре и в Куларках и, всем довольный и весёлый, отправился в Усть-Стрелку»²⁶.

Личное самообладание и мужество не раз выручали Муравьёва в обстоятельствах иногда весьма рискованных. Он выходил из них невредимым, чтобы тотчас же с прежней настойчивостью продолжать своё дело. Деятельность Муравьёва находила много поклонников и получала широкий общественный отклик. «Амурская эпопея была у всех на языке, - пишет И. Барсуков, - личность графа Муравьёва была какою-то легендарною, и Сибирь с того времени привлекала всех, преимущественно образованную молодёжь. Многие ещё в студенческом мундире, за полтора месяца до окончания курса, являлись к Муравьёву в Петербурге, прося принять их на службу в Восточную Сибирь. Он долго всех испытывал, прежде чем удовлетворять их ходатайства. То время было живое, поднявшее общественную жизнь. Присоединение Амура произвело сильное

²⁶ И. Барсуков, том I, стр. 410.

впечатление не в одной Сибири. Оно, конечно, будило вновь мысли о государственном значении Сибири, оно послужило и к умственному возбуждению в русском обществе». Этот всеобщий подъём особенно усилился, когда стало известно о подписании Айгунского трактата.

Заключение исторического Айгунского трактата - крупнейшая государственная заслуга Муравьёва. Во время переговоров с китайцами Муравьёв проявил себя тонким и дальновидным дипломатом.

Характерна уже самая обстановка, предшествующая переговорам. В начале апреля 1858 года Николай Николаевич отправился в свой обычный вояж по Амуру. Как всегда, у него и на этот раз была ясная цель. «На днях я отправляюсь на Амур, — писал он брату 3 апреля 1858 года. — Исключительная моя теперь забота состоит в том, чтобы заселить Амур, развивать на нём парходство и торговлю, учредить города... соорудить укрепленные Юрты и сообщения с ними железными дорогами».

Амур всё более становился русским. Сплав 1857 года был организован в больших масштабах, чем прежние. Основаны были новые посты и в них посланы конные и пешие части. Теперь же предстояло провести пятый по счёту сплав. 6 апреля Муравьёв выехал из Иркутска, по льду переправился через Байкал и в двадцатых числах был в Шилкинском заводе. Отсюда, как уже повелось с первого сплава, экспедиция двинулась вниз по Шилке. В начале мая Муравьёв во главе своеобразной флотилии из лодок и барж приближался к посту Усть-Зейскому, когда навстречу ему вышли китайские чиновники и попросили заехать в Айгун — китайский городок, расположенный в тридцати километрах ниже Усть-Зейского. Там Муравьёва ждал китайский главнокомандующий, которого китайское правительство уполномочило вести переговоры с русским губернатором. Первая встреча состоялась 10 мая. В дальнейшем, в течение шести

дней, встречи повторялись и закончились 16 мая 1858 года подписанием договора, в котором говорилось:

«Левый берег р. Амура, начиная от р. Аргунь до морского устья р. Амура да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до р. Уссури — владением Дайцынского государства, от р. Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границ между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцынского и Российского государств. По р. Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцынского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно...

Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по р. р. Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств».

Таким образом, практическое присоединение Приамурья приобрело также юридическую силу. Обширная территория с удобным приморским берегом стала законной собственностью русского государства. В ознаменование этого важного события Усть-Зейский пост был переименован в город Благовещенск. Муравьёва же за успехи в переговорах в Айгуне возвели в графское достоинство с прибавлением к фамилии - Амурский. Одновременно он был произведён в чин генерала от инфантерии.

Однако не успел ещё Муравьёв узнать об этих наградах, как ему стало известно, что отправившийся с посольской миссией в Китай граф Путятин подписал 1 июня в Тяньцзине трактат, ещё не зная о подписании Айгунского договора. Статья девятая Тяньцзинского трактата гласила:

«Неопределённые части границ между Китаем и Россией будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств и заключённое ими условие о граничной черте составит дополнительную

статью к настоящему трактату. По назначению границ сделаны будут подробные описания и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорным документом о границах».

Но Муравьев понимал, что обладание одним лишь бассейном Амура без земель между этой рекой и Уссури, т. е. без выхода к берегам Японского моря, обрекает русский флот на бездействие. В этих условиях наш флот был большую часть года заперт льдами в Николаевском порту. И пока этот вопрос не был решён, Муравьев не мог оставаться спокойным. Снова он писал в столицу доклады и, в конце концов, настоял на том, что в 1859 году в Пекин для завершения дипломатических переговоров был послан Н. П. Игнатьев. Облечённый полномочиями чрезвычайного посла, Игнатьев - выдающийся для своего времени дипломат - добился в Пекине ратификации" Айгунского договора. Официальным актом от 2 ноября 1860 года китайское правительство признало права России на все земли между реками Амур и Уссури. Были установлены границы,, которые существуют и поныне.

Оправдалось то, в чём Муравьев был убеждён ещё в 1858 году.

«Если господа неверующие, — писал он сразу по заключении Айгунского трактата, — станут и теперь еще утверждать, что договор не облечён всеми дипломатическими формами, то ошибутся, как ошибались и прежде в сношениях своих с Китаем». Как дипломат, Муравьев оказался прозорливее тех, кто, подобно Нессельроде, рекомендовал в «амурском вопросе» осторожную политику. Отстаивая честь и достоинство России, Муравьев сумей использовать сложившуюся на Дальнем Востоке и, в частности, в Китае политическую обстановку, чтобы присоединение Приамурья к русскому государству стало фактом, получившим международное признание.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

После того, как дипломатические переговоры о присоединении Приамурья к России были столь успешно завершены, вся энергия Муравьёва обратилась на заселение и административное устройство нового края. Мы уже видели, что до 1858 года Муравьёв организовал несколько сплавов по Амуру. Но сплавливались тогда преимущественно люди военные - солдаты и моряки — и лишь частично крестьяне. Это диктовалось обстоятельствами: во-первых, той сдержанностью, о которой всё время напоминал Муравьёву Петербург, во-вторых, необходимостью иметь на Дальнем Востоке прежде всего вооружённую силу против возможного иностранного вторжения. Теперь же обстановка коренным образом изменилась: ничто уже не мешало русским людям осваивать нетронутые земли Приамурья, и Муравьёв последние годы своей жизни в Восточной Сибири был занят исключительно переселением на Амур крестьян из центральных губерний России и с Урала. Это, конечно, не значит, что Муравьёв и раньше не интересовался этими вопросами. Глубоко убеждённый в законности прав России на Приамурье, он заранее предвидел благоприятное разрешение амурской проблемы и вёл к этому моменту соответствующую подготовку. Ещё в 1856 году по сотням Забайкальского казачьего войска было объявлено: «Вызвать охотников к переселению на Амур; если таковых будет мало, назначить из более состоятельных и многосемейных по одному из семейства, дать вынуть им жребий и объявить, что для сплава,¹ как их самих с семействами, так и всего имущества, будут даны паромы и баржи, с помощью в дороге солдат и казаков, следующих на службу на Амур, а по прибытию на место нового водворения, будут пользоваться двухгодичной льготой от службы, снабжены двухгодичным содержанием по положению, полевому казаку полное, а прочим членам семейства — провиант половинный; кроме этого, будет выдано каждому казаку по 15 рублей единовременного пособия и лес, на котором плы-

вут, отдаётся в их распоряжение. Если богатый, кому достанется жребий, не пожелает сам переселиться, может с разрешения ближайшего начальства, взамен себя, отправить наёмщика, дав ему коня, корову и всё необходимое для хозяйства».

Позднее в письме к брату Муравьев писал о развитии нового края, как о главной своей заботе. В бумагах его сохранились документы, указывающие на то, что Муравьев разрабатывал подробный план судоходства на Амуре. Он мечтал сделать из этой реки то, к чему она была предназначена самой природой: быть для Восточной Сибири великим путём к Тихому океану. И примечательно, что многое из намеченного Муравьевым почти в точности осуществилось в дальнейшем. Однако годы, последовавшие вслед за подписанием Айгунского договора, были заполнены у него переселением в край крестьян, которые, как понимал Муравьев, должны были сыграть роль армии закрепления за Россией вновь приобретённых территорий. Поэтому, отправляясь на Амур, Муравьев обыкновенно сразу же определил места поселений, давал им названия и оставлял для них гарнизоны. Так был основан Хабаровск. Вначале это был пост Хабаровка, и первыми его жителями были солдаты 13-го линейного батальона. Впоследствии, благодаря удачному своему расположению у слияния рек Амура и Уссури, пост превратился в город. Каждому новому поселению на Амуре Муравьев давал названия, большей частью по имени или фамилии своих родных, друзей и соратников. Например, село Екатерино-Никольское было названо в честь жены Муравьева - Екатерины Николаевны, Карсаково - в честь усердного помощника Муравьева Карсакова и т. д.

Одновременно с Амуром заселялся и правый берег Уссури. В места поселений были направлены забайкальские казаки. Муравьев спешил заселить край, руководствуясь исключительно государственными интересами. «Одно уже развитие наших военных морских сил на устьях Амура, помимо всех

других соображений, требует настоятельно быстрого заселения Приамурского края. Своевременная доставка продовольствия для сухопутных и морских команд, снабжение флота всеми необходимыми сырыми материалами будут вполне обеспечены только тогда, когда разовьётся местная производительность края, чего без усилия народонаселения достигнуть невозможно»²⁷. Так думал Муравьёв в 1858 году, так он и поступал.

Разумеется, в этой спешке было допущено немало ошибок, особенно при выборе мест для поселений. Но прав был Муравьёв, когда он потом объяснял, что «в то время, по политическим соображениям, было настоятельно необходимо: во-первых, фактически занять край, а во-вторых, создать по всей линии Амура и Уссури почтовое сообщение, что требовало расположения посёлков в известном расстоянии друг от друга, игнорируя отчасти неудобства мест в колонизационном отношении».

По договорённости с военным министром Сухожанетом Муравьёв переселил на Амур из Европейской России пятнадцать тысяч штрафных солдат и разместил их по казачьим семьям. Он договорился также с министерством государственных имуществ о переселении государственных крестьян из Вятской, Пермской, Тамбовской и Воронежской губерний. В начале весны 1859 года из этих губерний было отправлено двести пятьдесят семейств и летом 1860 года они поселились на Амуре, между устьем Уссури и городом Софийском.

Муравьева сильно волновал вопрос о судьбе острова Сахалина. Сахалин впервые был занят русскими лейтенантами Хвостовым и Давыдовым в 1806 году. Эти офицеры, высадившись на южной оконечности острова, оставили там пять матросов. Через некоторое время матросы стали продвигаться на север и достигли в 1810 году реки Тым. Дальнейшая их судьба неизвестна.

²⁷ И. Барсуков, том II, стр. 186 — 187.

В 1852 году Невельской отправил на Сахалин лейтенанта Бошняка с командой матросов. Бошняк выяснил, что остров никем не занят и что после русских матросов, оставленных в 1806 году, на Сахалине никто не бывал.

В 1855 году, по представлению Муравьева Российской-Американской компании было разрешено занять остров на тех же основаниях, на каких она владела другими землями, с тем, чтобы не допускать на Сахалин иностранцев.

Летом 1860 года Муравьев отправился вдоль морского побережья, посетил Сахалин, ознакомился со строительством уже существующих поселков и наметил новые. Особое внимание он обратил на морские берега у границы Кореи, на бухту Посыет и основал ряд поселков. По пути Муравьев заехал в Японию и выяснил, что японцы на остров не претендуют, что никаких препятствий к заселению Сахалина нет и что нужно этот процесс ускорить. Особенно старался он побыстрее заселить морское побережье вблизи корейской границы.

В том же 1860 году Муравьев подготовил и отправил несколько морских экспедиций, одна из которых основала Владивосток. В следующем, 1861 году Муравьев был освобожден от обязанностей генерал-губернатора Восточной Сибири.

Чем объяснить отставку Муравьева? Прежде всего тем, что умный, беспокойный и настойчивый администратор пришелся, как говорят, «не ко двору», не подошел российской государственной машине. Герцен, например, при всем его отрицательном отношении к чиновникам самодержавия очень высоко ценил Муравьева. Он говорил, что одна его голова стоит целого кабинета министров того времени. Но для значительной части «влиятельных сфер» и придворного круга Муравьев был всего лишь «удачливым выскочкой».

Вот почему справедливые требования Муравьева о планомерном переселении крестьян в Приамурье, о кредитах на постройку железной дороги, о закупках в Америке пароходов об учреждении торгово-промышленных компаний,

об административном переустройстве края и т.д. – часто получали очень резкую оценку Александра 2. На многих бумагах и представлениях Муравьева лежат собственноручные резолюции царя: «Вздор», «Не надо», «Зачем?», а на одной из докладных записок есть весьма характерное замечание: «Его не переделаешь, а надобно уметь воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги, оказанные»²⁸. И Муравьевым пользовались, пока он был нужен. Но как только присоединение Приамурья стало совершившимся фактом, - Муравьев оказался не у дел. Сразу же необходимо подчеркнуть, что дело здесь не столько в личных качествах Муравьева, неугодных царю, сколько в его устремлениях и планах, совершенно несовместимых с условиями развития самодержавной России.

В самом деле. В течение веков русские стремились на восток, и вот, наконец, Приамурье присоединено к России. Россия получила богатейшие земли. Нужна была кипучая работа по устройению нового края, повседневная, упорная. Нужны были миллионные капиталовложения, нужен был ясный план использования колоссальных природных ресурсов Приамурья. Что могло сделать самодержавное правительство в этом направлении? Почти ничего. Так, сотни тысяч квадратных километров территории, неосвоенной, отрезанной от культурных центров страны тысячами километров бездорожья, оказались «впусте лежащими землями».

Принудительное переселение казаков, штрафных солдат, организация ка-торги на Сахалине да авантюры хищных «амурских волков» - вот все, что могло дать самодержавие краю. В таких условиях борцу и пионеру основания новых пространств – Муравьеву – делать было нечего. Он слишком много хотел. От проектов Муравьева «правительственные сферы» отмахивались, как от надоед-ливых мух. Да и сам энергичный и деятельный Муравьев не мог не почувство-вать свое полнейшее бессилие. Даже для пореформенной России он был слиш-ком беспокойным и излишне «патриотическим» человеком. Вот почему после

²⁸ И.Барсуков, том 2, стр. 198.

своей отставки в 1881 году полный сил и энергии Муравьев более уже не возвратился к государственной деятельности, хотя неоднократно и предлагал свои услуги правительству. Тем не менее до конца своей жизни он не переставал интересоваться делами на Амуре, вел переписку с людьми, работающими здесь, давал им советы, и первый поднял вопрос о строительстве железной дороги, связывающей край с Европейской Россией. Последние годы он жил за границей. Умер Муравьев-Амурский 18 ноября 1881 года в Париже и похоронен на Монмартрском кладбище.

В кратком очерке трудно охватить всю многостороннюю деятельность Николая Николаевича Муравьева-Амурского в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Если в общих чертах охарактеризовать его историческую роль, то мы должны будем сказать следующее, ф. Н. Муравьев-Амурский был первым, кто поставил и практически разрешил вопрос о присоединении к России Приамурья и Приморья. Тем самым завершился процесс последовательного движения русского народа к Тихому океану и завоевания Сибири. Муравьев осуществил свою историческую миссию в обстановке напряжённой борьбы, вопреки консервативным министрам царя Николая I. Это делает честь его воле и настойчивости. С непреклонной решимостью он довёл до конца дело, которое считал благом для своей родины.

Но Муравьев-Амурский не ограничился этим. Он заложил основы государственного устройства нового края и провёл первоначальное заселение его русским народом. С именем его связан героический период освоения нетронутых земель и обширных пространств Дальнего Востока - наиболее романтической поры, живого источника народных легенд и преданий. Неудивительно, поэтому, что так живуча в народе память о Муравьеве, а образ его привлекает и всё больше будет привлекать внимание историка и писателя.

Со дня смерти Н. Н. Муравьева-Амурского прошло около семидесяти лет, а со времени начала его деятельности в Восточной Сибири - почти столетие. За

этот краткий исторический срок Дальний Восток стал настолько русским, что современному человеку трудно представить себе, что ещё в начале нынешнего века на месте важнейшего административного и промышленного центра Дальнего Востока - города Хабаровска - стоял небольшой посёлок, почти ничем не отличающийся от подобных же посёлков, разбросанных по Амуру. Ещё труднее вообразить пустынным приморский берег, на котором ныне расположился крупнейший океанский порт нашей страны — шумный и оживлённый Владивосток. Такой быстрый прогресс — результат великой созидательной энергии нашего народа. Эта энергия преобразила дотоле пустынный край, оживила дремавшие природные силы и заставила их служить человечеству. Чувством гордости наполняется сегодня русское сердце при виде больших и шумных дальневосточных городов, заводов, электростанций, промыслов, разбросанных по всему необъятному пространству от предгорий Яблонового хребта до Сихотэ-Алиня. С тем же чувством мы вспоминаем славную историю борьбы русского народа за свой Дальний Восток. В годы гражданской войны и иностранной интервенции, когда решалась судьба края, русский народ, грозный в своей воле, изгнал интервентов и навсегда установил на Дальнем Востоке родную советскую власть. Последующий затем период мирного социалистического строительства характеризовался небывалым бурным развитием экономики края. Широким массам советского народа Дальний Восток становился ближе и дороже, - ведь на дальневосточных новостройках рядом с коренными амурцами работали тысячи москвичей, ленинградцев, туляков. Их труд вливался в общий могучий поток. Рождённые этим трудовым усилием возникали новые заводы: «Дебри Уссурийского края», о которых в своё время писал Арсеньев, отступали перед волей человека.. Именно в эти бурные годы Сталинских пятилеток Дальний Восток стал особенно популярен среди советского народа. В годы Великой Отечественной войны дальневосточники на фронтах борьбы с немецкими захватчиками и японскими империалистами показали себя храбрыми защитни-

ками родины. Славные традиции мужественных первооткрывателей края, отважных воинов эпохи гражданской войны нашли в бойцах дальневосточных дивизий достойных преемников. Потомки не посрамили чести своих предков.

Велика сила традиций, и мы с благоговением всматриваемся в прошлое. Нас волнуют образы тех русских патриотов, которые своим трудом и энергией прокладывали для России новые пути. Среди этих дорогих нам людей одно из видных мест занимает Н. Н. Муравьев-Амурский. Благодарная родина не забудет его имя, и долго ещё будет памятно всем то, что сделал для Сибири и русского Дальнего Востока.